

В детстве мы все любили покататься на пароме. Для сведения: паромы бывают не только на реках, но и морские. Есть в России паромы, на которых переправляют через проливы целые железнодорожные составы. Обычные речные паромы состоят из баржи и катера — буксира или толкача. На барже размещаются транспорт, грузы и пассажиры, а катер ведёт баржу от берега к берегу. На Кизире — в Кордово, Мульге и Имиссе — были особые паромы.

Кизир, всем известно, река неширокая — сто пятьдесят — двести метров всего-то. На противоположных берегах вкопаны в землю высокие опоры, поверх которых с берега на берег перекинут трос с блоком. Трос тракторами натягивали так высоко, чтобы в любой ледоход его не оборвало льдинами. От парома шёл другой трос и крепился к блоку. Блок и тросы были ведущим организмом парома. Сам же паром представлял собой две огромные деревянные лодки с настилом поверх них. И лодки, и настил были прочными настолько, что выдерживали мощный тяжёлый трактор. Площадка настила по краям имела перила с прикреплёнными накрепко скамейками для пассажиров.

Обычно паром шёл с одной машиной, но во время уборки урожая переправляли одновременно по

два ЗИЛа или по три машины меньшей грузоподъёмности. К каждой лодке крепились рулевые вёсла из толстых досок, которые служили для придания лодкам парома определённой ориентации относительно течения. Тросы не давали устройству плыть вниз по течению, а блок двигался по тросу от берега к берегу. Чем быстрее было течение и чем круче сориентированы лодки, тем сильнее был напор воды в борта лодок и тем быстрее шёл паром.

Ни тряски, как при езде по дороге без асфальтового покрытия, ни воздушных ям, как при полёте на Ан-2, ни качки, как в вагоне поезда, — настоящая благодать плыть на пароме. Единственный нюанс — не все паромщики позволяли нам кататься.

Дядя Вена, самый молодой паромщик, выгонял желающих прокатиться. Случалось, пока его нет на пароме, мальчишки влезали в одну из лодок. Под настилом их не было видно. Затаившись, сидели, пока паром сплавает туда и обратно. Когда паром причаливал, мальчуганы выскакивали из лодки и, дразня дядю Вену, убегали. Нам было забавно смотреть на вспышку его гнева. Может быть, он только играл роль разгневанного и обманутого ребятнёй взрослого. Возможно, что ему было приятно доставлять нам радость, играя эту роль. Но мы-то его боялись вовсе не шутя.

Дядя Коля разрешал прокатиться, если кто-нибудь во время переправы соглашался петь частушки. Частушкам он учил нас сам. И то были не простые частушки, а «с картинками». Мальчишки постарше стеснялись петь дяди-Колины «шедевры». Нам приходилось брать с собой кого-нибудь из малышей, которые не вникали в суть и пели. Мальчуганами через это прошла детвора всего левобережья. Взрослым, особенно созерцающим «концерт» впервые, это было забавно. Дядя Коля, собирая плату за переправу, делал подсказку, пассажиры доплачивали и за выступление. К вечеру у него накапливалась

неподотчётная сумма, которой хватало на кулёк конфет для артиста и на четушку* «огненной воды».

Самым покладистым и самым пожилым был дядя Ваня. Он-то катал нас бесплатно — без частушек.

Однажды, в разгар лета, часов в десять утра заходит на паром старушка. Старенькая бабуля, на батожок опирается. Зашла и присела на скамейку около перил. Одежда на ней не новая, с заплаточками, но чистая. Аккуратная и тем приятная бабушка. Дядя Ваня плату за переправу собирает, подходит и к ней. Все заметили, что бабушка не местная. Паромщики не хуже нас всех местных и в лицо, и по именам знали.

Потому и спрашивает:

— Вы к кому здесь и откуда? Вижу, что не местная.

— В Артёме я живу, в Артёмовске, значит. Давно уже. А надо мне сподобиться в Можарку попасть.

— В Можарку отсюда никто не ездит. Завтра суббота, вечером машина с пилорамы рабочих повезёт на Малиновую гору. Там от своротка на Малиновую девять километров остаётся — половина пути. У вас есть здесь родные или знакомые, чтобы заночевать?

— Нет, сынок, ни родных, ни знакомых здесь. И ждать до завтра не могу. Сегодня вечером, с Божьей помощью, сама в Можарке буду.

Дядя Ваня удивлённо посмотрел на старушку.

— А почему с Артёма в Курагино не проехали? Оттуда через Имисс до Можарки можно на автобусе доехать.

— Автобус от Курагино рано уходит, не успела бы я. А день терять не могу.

— Так что за беда случилась? Отчего срочность такая?

— Мамина соседка письмо прописала, что сестра маму обижает. Сестру-то постыдить надо, хоть она и старшая.

* Четушка — четвертая часть литра.

Все, кто был на пароме, удивлённо переглянулись.
— А сколько же вам лет, бабуля? — спросил кто-то из пассажиров.

— Так сто второй идёт, слава Богу, — сказала старушка и перекрестилась.

Все, даже мы, мальчишки, потеряли тогда дар речи. Паром причалил. Бабушка, опираясь на батожок, с позвожительной ей скоростью стала удаляться от парома в направлении Можарки.

Учитель замолчал, закончив повествование. Все остались сидеть без слов, словно онемевшие. Наконец Маша собралась с духом и спросила:

— Так сколько же лет её маме, если ей самой сто второй идёт, а у неё ещё старшая сестра есть?

— Да как же она отшагала целых восемнадцать километров? Я правильно понял вас, Василий Васильевич? — спросил очнувшийся после Маши Сергей.

— Вот эти же самые вопросы задавали друг другу и мы двенадцать лет назад. Я и теперь спрашиваю себя об этом. Ушла бабуля, не позаботившись дать ответ. И не будет ответа, — безнадёжно произнёс рассказчик.

Приехавшие за детьми папы слышали лишь концовку рассказа, но она-то поразила их ничуть не меньше, чем детей. Приехали и подошли так, что никто и не заметил — так все были увлечены рассказом учителя. Укладывая просохшие вещи, не скрывали сожаления, что каникулы закончились, а во время учебного года пойти в поход будет проблематично. Василий Васильевич заверил, что поход с одной ночёвкой реален и в сентябре. Прогноз погоды покажет, когда это будет возможно, чтобы не простудиться сентябрьской ночью.

Вечером историю про бабулю на пароме знали домочадцы всех участников похода.